

# Москва, 1918-2018

*Продолжение. Начало в № 2(26)-2018*

## О книге

Раз в сто лет случаются существенно значимые события. И это событие случилось. Повесть про Ленина. И про Брежнева. Про Багрицкого. И про Гайдара. Про Евтушенко и Пахмутову. Про драки во дворах. И про пионерлагеря. Про Высоцкого. И про Визбора. Про немецкого гауптмана Грота. И про австрийского горовосходителя Кропфа. Про дедовщину. И про романтику. Про Китай и Болгарию. Про московский пивной завод имени Бадаева. И кавказский альплагерь Узункол. Про пионеров на Мавзолее. И про медали на больших грудях. Про «обычную» школу и необычный райком. Про ту «Метлу». И не про ту ещё «Горбушку». Про то, как вместо обещанного ранее коммунизма объявили Олимпиаду. Про то, как всё начиналось, продолжалось и не закончилось. В общем, про кам-са-мол!

Ой, кто это? Во-о-о-от! А фамилии и события все естественные? Конечно – как и в любом художественном произведении...

*100-летию ВЛКСМ – Комсомола и всем тем, кто помнит или хочет узнать о жизни в нашей стране 60-х, 70-х, 80-х годов прошлого века посвящается*

## ГЛАВА II

### «Единственный друг – дорогой Комсомол»

(70-е)

Я в мир удивительный этот пришёл  
Отваге и Правде учиться.  
Единственный друг – дорогой Комсомол,  
Ты можешь на нас положиться!

Мы пройдем сквозь шторм и дым,  
Станет небо голубым,  
Не расстанусь с Комсомолом,  
Буду вечно молодым!...

*Н. Добронравов. Не расстанусь с Комсомолом, 1970 г.*

### **Вот приеду я на БАМ...**

Дворы – дворами, драки – драками, власти – властями. Но дух-то, дух-то какой! Романтика! С прочно приросшим словом «комсомольская». Вся страна читает, про себя и вслух, поэму Евгения Евтушенко «Братская ГЭС», напечатанную в журнале «Юность» в 1965-м. Там про что, про Братскую ГЭС? Не-е-т! Сначала про египетскую пирамиду. Про рабов и господ. Потом про казнь Стеньки Разина. Про таинственных «петрашевцев». Про Чернышевского, который знал, что делать. Наконец, про Ленина, знавшего, с чего начать. И вот – собственно Братская ГЭС, в виде «Бетона социализма», «Первого эшелона» и др.:

«... Говорят глаза с глазами  
И с тайгой невиданною:  
«Мы себя «сослали» сами  
В ссылку удивительную!  
Стань, Сибирь, светлым-светла,  
Радуйся и радуй!  
Наказаньем ты была,  
Сделайся наградой!»

И дальше:

«... Но встанет ГЭС, и свет ударит,  
И песня странствовать пойдет:  
«Марчук играет на гитаре,  
А море Братское поет...»

Получается вечный «рояль в кустах». Кто-то написал про какого-то Марчука. Евтушенко упомянул. А я теперь за это зацепился. За что за «это»?

Ну, слушайте.

В начале 60-х поэт Николай Добронравов и композитор Александра Пахмутова (в народе «Шурочка» за всегдашнюю изящность, жизнерадостность и маленький рост) побывали на Братской ГЭС и увидели инженера Алексея Марчука. Вспоминали:

«Молодой инженер Алексей Марчук сидел на баке, играл на гитаре и пел; в тёмно-синих спортивных брюках, в расписной косынке на голове, он был очень живописен. И действительно походил на «героя нашего времени».

Со временем Марчук стал крупным специалистом по плотинам, главным инженером Усть-Илимской ГЭС, доктором наук. И шутейно обижался, что известен он больше песней, где «Марчук играет на гитаре».

И Марчук, и прославившие его Добронравов с Пахмутовой, и их товарищ-поэт Гребенников, и Евтушенко, который к месту вспомнил песню в своей поэме, – это они ковали комсомольскую романтику.

Сергей Тимофеевич Гребенников жил со мной в соседнем дворе, в обычной пятиэтажке и двухкомнатной квартире. Был абсолютно компанейский, мог и выпить прямо возле дома с обычными работягами. С его сыном Серёжкой мы учились в параллельных классах, дочь Ирка училась двумя классами старше.

Учителя, пользуясь данным фактором, приглашали «тройку» (Гребенников, Добронравов и Шурочка) на школьные вечера. Они соглашались, и приходили, и начиналось. Шурочка играла на раздолбанном школьном пианино, пела, а поэты подпевали:

«Я уехала в знойные степи,  
Ты ушёл на разведку в тайгу,  
Надо мною лишь солнце палящее светит,  
Над тобою лишь кедры в снегу...»

А путь и далёк, и долог,  
И нельзя повернуть назад...  
Держись, геолог,  
Крепись, геолог!  
Ты ветру и солнцу брат!»

И вот это, конечно:

«Главное, ребята, сердцем не стареть,  
Песню, что придумали, до конца допеть.  
В дальний путь собрались мы,  
А в этот край таёжный  
Только самолётом можно долететь.

А ты, улетающий вдаль самолёт,  
В сердце своём сбереги...  
Под крылом самолёта о чём-то поёт  
Зелёное море тайги...»

А комсомол-то где? Комсомола «добавил» Иосиф Давыдович Кобзон, который на школьном вечере не присутствовал, однако выдал, а потом десятилетиями душевно и возвышенно исполнял на почве, подготовленной «геологами» и «улетающими самолётами», песню Пахмутовой и Добронравова:

«Я в мир удивительный этот пришёл  
Отваге и правде учиться.  
Единственный друг, дорогой Комсомол,  
Ты можешь на нас положиться!

Мы пройдем сквозь шторм и дым,  
Станет небо голубым.  
Не расстанусь с Комсомолом,  
Буду вечно молодым!..»

Ну, как тут... Ну, как тут не вдохновиться!

Впрочем, продолжим про «Братскую ГЭС» Евгения Евтушенко. Главная, не собирательная, а личностная героиня там – девушка Нюша:

«Я бетонщица, Буртова Нюшка.  
Я по двести процентов даю.  
Что ты пялишь глаза? Тебе нужно,  
Чтобы жизнь рассказала свою?

А однажды в ковбойках и кедах  
К нам ввалился народ молодой  
И запел о туманах и кедах  
Над могучей рекой Ангарой.

Танцевали колёса и рельсы.  
Окна ветром таёжным секло.  
«А теперь за здоровье Уэллса!» –  
Кто-то поднял под хохот ситро.

И очкарик, учёный ужасно,  
Объяснил мне тогда, что Уэллс  
Был писатель такой буржуазный  
И не верил он в Братскую ГЭС.

Я к столу подошла робковато  
И спросила, идя напролом:  
«А меня не возьмёте, ребята?»  
И ребята сказали: «Возьмём!»

И вскоре стала готовиться Нюша стать матерью-одиночкой. Но на выходе из роддома встречает Нюшу вся бригада. Как у Высоцкого: «Пусть останется пока сын полка». Н-да, романтика и есть: возьмём!

Через несколько лет появилась другая стих-песня от диссидентствующего поэта-писателя-барда Юзефа Алешковского:

«Вот приеду я на БАМ (Байкало-Амурская магистраль – авт.)  
Первым делом парню дам...  
Дам ему задание –  
Явиться на свидание.

Он бедовый, он придёт,  
Он дымком затянется,  
На груди моей заснёт  
И в ней навек останется.

Я комунизм (так поёт исполнитель – авт.) строила.  
Была на Братской ГЭС,  
Но это всё, по-моему,  
Казённый интерес.

И «кисы» мы, и «ласточки»  
За наш за нежный труд,  
Вот только из палаточек  
Нас замуж не берут...»

Мы не знали в то время про эту песню. Однако что-то такое не совсем романтическое подкрадывалось потихоньку. Подкрадывалось.

От безобидно-оптимистичного «Там, где раньше тигры с.., мы проложим магистрали».

К намекающему: «Идёт Чебурашка и что-то держит в ладонях. Навстречу крыска Лариска, спрашивает: «Штой-то у тебя там?». Чебурашка раскрывает ладони, а Лариска говорит: «Ой, ящерица!». Чебурашка горестно: «Нет, не ящерица... Это крокодил Гена, с БАМа вернулся...»

И к совсем откровенному: как расшифровывается БАМ? А так: Брежнев. Абманывает. Молодёжь. Подкрадывалось. Но пока не подкралось.

## Чук и Гек

Принято считать, что в комсомол, как и в пионеры, принимали всех. Внесём ясность. Не всех сразу: в седьмом классе, когда большинству ребят исполнялось четырнадцать, отбирался передовой отряд, которому высочайшим повелением даровалось право вступить в комсомол первым. Нас в передовом отряде оказалось семеро.

В качестве первого шага в комсомольском направлении требовалась рекомендация пионерской дружины. Мы бы и не пошли туда стоять перед всякими салажатами, но до 15 лет принимают в комсомол только через рекомендацию совета дружины. Сидит шелупонь, вопросы всякие задаёт! Чо надо-то? Я завтра комсомольцем буду, а ты, задаватель вопросов, ещё побегаешь с чубчиком в коротких штанишках или в детской юбочке косички-с-бантиками. И не надо такое умное лицо делать – нос лучше вытри!

Приём на заседании комитета комсомола школы – это уже посерьёзнее, здесь надо не понты кидать, а прикинуться эдаким дисциплинированным и скромным зайчиком – ну, хотя бы на время.

И вот, наконец, запретельная высота – утверждение на бюро Кунцевского райкома комсомола.

Сидят такие большие взрослые дяди-тёти, но вопросы-то задают глуповатые. Примерно, следующие:

«А кто твой любимый писатель?»

Я прикинул, как бы посолиднее ответить и говорю:

«Николай Островский».

«А произведение?»

Усмехнулся про себя: «Какое же ещё?»

И отвечаю:

«Как закалялась сталь».

Хвалят: «Молодец, принимаем тебя в комсомол».

Второй человек пошёл. Опять:

«Кто твой любимый писатель?»

А человек-то уже смекнул, как отвечать, чтобы получить «молодца», и произносит оптимальное:

«Николай Островский»...

Седьмым – он уже давился со смеху – шёл Андрей Шаблаков.

На вопрос, кто твой любимый писатель, он с серьёзным видом ответил:

«Аркадий Гайдар».

«А какое произведение нравится больше всего?»

Андрей сделался ещё серьёзнее и сказал:

«Чук и Гек».

Большие-взрослые, лет по 20-25 каждому, покашляли, кто-то прыснул в кулак, а председательствующий подавил улыбку и как можно солиднее произнёс:

«Ну, ладно».

Поясняю для тех, кто забыл, или никогда не помнил. В 1939-м Гайдар написал добрый рассказ «Чук и Гек». Там вот о чём. В канун Нового года в московскую квартиру приходит письмо. Жёну с детьми на Новый год зовёт очень загруженный работой глава семьи. Он работает геологом далеко в Сибири. Но после письма приходит телеграмма. Дети в результате ссоры теряют её, но скрывают потерю от матери.

Приехав в сибирский посёлок, мать с детьми не находят там никого, кроме сторожа. Вся геологическая партия срочно отправилась в тайгу, извещение об этом событии и содержалось в потерянной телеграмме. Сторож оставляет семью у себя и, под предлогом охоты, идёт на лыжах к геологам. Возвращается он с ключом от комнаты и письмом от мужа. Вскоре возвращаются и геологи. Все вместе они встречают Новый год.

Завершение рассказа вполне комсомольско-оптимистичное:

«Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной».

Так почему же большой и взрослый член комсомольского бюро «прыснул в кулак»? Да потому, что рассказ написан для маленьких. Для октябрят. Ну, может, для пионеров. А для комсомольцев – «Как закалялась сталь»...

Что запомнилось. В классе, где все носили пионерские галстуки, ты вдруг снимаешь его и ходишь с комсомольским значком. Очень понтово! Вроде ты уже большой, а все твои одногодки пока ещё маленькие!

Ровно наоборот, но тоже сильно и стильно – в пионерском лагере. Особую категорию составляют ребята, которые одновременно носят красный галстук и комсомольский значок. И у вожатых так же! Выходит, что ты почти что вожатый. А вы тут, салажня-пионерия, путаетесь, понимаешь, под ногами!

Кстати, пионерлагерь в 1968-м почётном году, когда Комсомолу исполнялось 50 лет, был последним в моей жизни. Зажгли костёр, пекли картошку, пели:

«Вперёд, заре навстречу,  
Товарищи в борьбе!  
Штыками и картечью  
Проложим путь себе.

Смелей вперёд, и твёрже шаг,  
И выше юношеский стяг!  
Мы – молодая гвардия  
Рабочих и крестьян».

У всех так? В общем, да, но с нюансами. Мой товарищ Миша Бочаров учился в спецшколе с углублённым изучением немецкого языка. Школа состояла членом общества германо-советской дружбы, ей присвоили имя Германа Матерна, члена Политбюро ЦК Социалистической единой партии Германской Демократической республики (ГДР) – это вроде как наши коммунисты. Школьной пионерской дружине дали имя Генриха Грайфа, немецкого актёра-антифашиста, который во время войны работал в советской редакции Немецкого радио. Вдова Грайфа, вполне русская и советская женщина Галина Золотарева, постоянно приезжала в школу с рассказами о своем безвременно ушедшем героическом муже.

Перед вступлением в комсомол претендентам прямо говорили, что нужно выучить ответы на следующие вопросы:

- Кто Генеральный секретарь ЦК КПСС?
- Кто первый секретарь ЦК ВЛКСМ?
- А кто первый секретарь ЦК комсомола братской ГДР?
- Ваш любимый герой-комсомолец?
- Сколько орденов у ВЛКСМ?
- Что такое «демократический централизм»?

В идеале требовалось почитать Устав ВЛКСМ – но это на любителя.

После приёма в ряды Миша стал комсоргом класса и председателем общешкольного штаба «Без знаний нет коммунизма». Штаб каждую неделю собирал «колючки» о неуспевающих и нарушителях дисциплины для общешкольного стенда, заседал, а утром в пятницу об итогах заседания Бочаров докладывал по школьному радио.

Сохранились стихи из сатирических листков:

«Книжник, Жукова и Герман,  
Евсеева и Толмачев,  
За Deutsch (немецкий) пора сильнее взяться,  
Fuenf (пять) иметь без лишних слов».

Остались в памяти и стихи, которые сочинялись не для официоза:

«Среди белых облаков  
Стоит школа дураков,  
Школа та проклятая,  
Спецсемидесятая.

Есть у нас математичка –  
Обыкновенная психиатричка,  
На урок свой не приходит,  
Только панику наводит,  
Ниже всех нас ростом,  
Ну, рахитка просто...»

Так выражалась «народная реакция» на учительницу математики: она и вправду выглядела как лилипут и даже ставила табурет, чтобы писать на доске.

Став членами Всесоюзного Ленинского, мы продолжали детские шалости. Среди распространённых в то время – «постукалочка». На одно из окон первого этажа жилого дома крепится кусочек пластилина, к нему прилепляется нитка, сантиметров в 10–15-ти от пластилина привязывается гаечка. Второй конец нитки держит пацан-организатор розыгрыша, который стоит далеко от окна. Дёрг за конец нитки – стук-стук по окну. Дёрг – стук-стук. Жилец смотрит в окошко и... никого и ничего не видит, особенно тёмным вечером. Смехота!

Как-то старушки, сидящие у подъезда, меня остановили и корят:

«Какими делами занимаешься, а ещё комсомольский секретарь! стыдно!»

Меня тоже, как и Мишу, избрали к тому времени секретарём маленькой классной ВЛКСМовской ячейки. И действительно стало стыдно за критику от старушек. Что-то менялось в жизни.

## Нет прекрасней и родней тех Кутузовских Филей

Шестьдесят седьмая. Вы не знаете 67-ю? Тогда я плакал!

В восьмом половина класса у нас была из интеллигентных семей. А вторая половина – шпана-хулиганы. Ожидался неизбежный распад. Вторая половина собиралась в ПТУ – профтехучилища. Первая половина «намыливалась» в какие-то другие школы, что покруче и помасштабнее. Уж не помню кто, а подсказал: есть на Кутузовском проспекте, рядом с панорамой «Бородинская битва», очень интересная школа номер 67.

Разузнал. Школа огромнейшая – шесть девятых и шесть десятых классов: «А», «Б», «В», «Г», «Д» и даже «Е». «А» – математический, «Б» – химический, «В» – гуманитарный, остальные назывались производственными. Про «А» и «Б» понятно: углублённое изучение соответствующих дисциплин. «В» – упор на литературу и английский язык. Поскольку физику с химией и математикой я ненавижу лютой ненавистью, а сочинения как-то неплохо кропал, то остановился на «В». Собеседования и всё такое, и вот сижу за партой новой школы.

Ещё одно существенное отличие между «буквами». «Математики» на уроках труда ходили на соседствующий со школой Первый московский приборостроительный завод и что-то там делали на огромных агрегатах, называемых ЭВМ. «Химики» следовали на карандашно-ручечный завод имени отважных итальянских революционеров Сакко и Ванцетти, погибших от рук капиталистических палачей. «Производственники» точили молотки из больших стальных болванок.

А я – вместе с пятью пацанами класса в тридцать два человека – учился... на машинистку. Не паровозом, конечно, управлять учился, а стучать на пишущей машинке. В 70-е машинистка котировалась очень высоко. У меня в выпускном удостоверении написано: «Слепой способ. 145 ударов в минуту». В любой конторе с руками оторвут! А болванки точить – увольте!

Что такое комсомол made in 67? Да это не комсомол с его заповедями-проповедями, это просто жизнь. С КВНами, собственными (фирменными!) праздниками, турслётами. Не просто турслётами. Не считалось «комильфо» (так Лев Толстой в повести «Юность» обозначил французское слово *comme il faut*: благовоспитанность, следование определённому комплексу внешних правил) ходить в поход днём. «Комильфо» считалось ходить ночью. Высадиться на какой-то станции в полночь, пройти километров тридцать, а на утренней электричке домой. Это комсомол! А дневные переходы с привалами и бутербродами через каждые полчаса – не комсомол, а так, «матрачный» спорт.

Заседания комитета комсомола случались очень прикольные. Скажем, в те годы курение в школьных туалетах воспринималось как большая проблема. Что делать?

«Давайте расскажем о вреде курения», – говорит милая правильная комсомолка из химического класса.

«Ага, что капля никотина убивает лошадь!» – реагирует менее правильный пацан из математического.

И, наконец, в разговор вступает гуманитарий: «Давайте сочиним песню и запустим её утром по школьной радиостанции».

Песня вскоре сочинена – на мотив всем известной «Первым делом самолёты». Утром в динамиках раздаётся сатирическое:

«Первым делом, первым делом – сигареты. А учебники? Учебники потом!».

А все вместе «комитетчики» сошлись на мысли, что из самых заядлых курильщиков надо организовать школьный оперотряд для... борьбы с курением в туалетах.

Да... Вот так заседаешь, креативишь, и на время забываешь, что и у самого-то в кармане пачка сигарет. И покурить уже пора... Да неудобно, свои же застыдят, скажут: «редиска» – тут одно, там другое. Ладно, подождём до послешколы...

Что касается поддержания идеологической бдительности, борьбы с «отщепенцами», следования линии ЦК... Да не, не помню, не было этого.

А! Про Кутузовку и Фили! Школа располагалась, как бы это поточнее выразиться, в «пригра-

ничной» зоне. С одной стороны – элитный Кутузовский проспект, где в доме номер 26 живёт сам генеральный секретарь ЦК КПСС дорогой Леонид Ильич Брежнев. Ну, здесь давайте чуть поподробнее.

\* \* \*

Дом 26 был сдан в эксплуатацию в 1947-м году. Изначально в нём оборудовались квартиры для члена Политбюро ЦК КПСС Андрея Жданова и члена Оргбюро ЦК Василия Кузнецова; сюда в числе первых въехали секретари ЦК КПСС Аверкий Аристов, Николай Беляев, Николай Игнатов, Михаил Сулов; здесь поселились и не пожелали оставить дом даже после получения статуса генсека партии Леонид Брежнев и Юрий Андропов.

Толстые стены «ондатрового заповедника» (так в 70-х – 80-х в народе назывались цэковские кварталы, поскольку ондатровая шапка считалась острейшим дефицитом) помнят председателя Совмина РСФСР Геннадия Воронова, министра внутренних дел Николая Щёлокова, председателя Гостелерадио Сергея Лапина.

То есть здесь жили только политики? Отнюдь! Можно вспомнить кинорежиссёра Александра Довженко, композиторов Евгения Птичкина и Давида Тухманова, певца Полада Бюль-Бюль-оглы. Простые труженики творческих покоев.

Это всё из истории. А теперь из личного. Бывший комендант дома Виктор Мухин рассказал мне впоследствии, что первоначально на одной лестничной площадке располагались квартиры Леонида Брежнева и секретаря ЦК КПСС Бориса Пономарёва. Когда Леонид Ильич занял кресло номер один, соседу подыскали другое жильё, а квартиры соединили в одну. Позднее, с приездом на Кутузовский дочери Брежнева Галины, сюда присовокупили ещё одну квартиру. Всё вместе это составило около 250 метров... Согласитесь, по нынешним меркам и с учётом статуса лица – довольно скромно.

Продолжаю личные впечатления. Со стороны дома, выходящей на Кутузовский проспект, всегда стояла какая-то машина: сегодня, например, «Скорая помощь», завтра – «Техпомощь», послезавтра – «Школьные завтраки». Однажды я стал свидетелем следующей ситуации: у выезжавшего на проспект «членовоза» (правительственный ЗИЛ) отлетел колпак и покатился по дороге. Рядом проезжал грузовичок, водитель которого притормозил, вышел и взял колпак в руки. Через несколько секунд из «Школьных завтраков» высочили люди и водителя очень быстро и грамотно повязали.

Имел ли отношение дом 26 к моей школьной учёбе, а потом и работе? Конечно! Дело в том, что во дворе здания располагался районный Дом пионеров, где дорогой Леонид Ильич голосовал на выборах. Подбирались и инструктировались учителя, которые выполняли функции встречающих генсека членов избирательной комиссии, а также пионеры для салюта Ильичу.

В дальнейшем анекдотом стало то, что было стопроцентной правдой. Сидевшей на регистрации Зинаиде Митюковой категорически рекомендовалось:

«Когда придёт Леонид Ильич, Вы обязательно попросите у него паспорт для сверки данных. Мол, порядок такой, причём, один для всех».

И вот Брежнев появляется:

«Паспорт, пожалуйста, покажите», – просит Зинаида Гавриловна. И добавляет: «Леонид Ильич».

«Зачем паспорт? А брови на что?» – юморит генсек.

В школе 711, что рядом с домом 26, учились внуки Брежнева – Андрей и Леонид, комсомольцы, естественно. Школьный преподаватель литературы и мой друг Николай Соловьёв рассказывал, как однажды Андрей принёс в школу подарок от деда – дюжину книг «Малая земля» с автографом автора.

Другой сюжет, возможно, более интересен. Старшеклассников вывезли на стрельбы в загородный военный тир. Андрей Брежнев такой же, как все: мальчик как мальчик и без всякой охраны. Однако в спецодежде – в дублёнке и ондатровой шапке. Стрельнул он плохо. И тогда военрук вызвал парня из строя и резанул:

«А ты, Андрюша, скажи деду, чтобы построил нам тир прямо в школе. Тогда и стрелять будешь хорошо!»

Впоследствии Андрей Брежнев на вопрос о том, в какой московской спецшколе он учился, с обидой ответил:

«Я заканчивал обыкновенную советскую школу».

Да-да, простую и обыкновенную! Другое дело, что дети там пребывали сильно талантливые: так, в 1978-м из ста трех выпускников 711-й десять человек поступили в суперблатной Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), в их числе и внучок генсека.

И отношение к «обыкновенным советским школам» было самым добрым. Например, видный деятель ГКЧП Борис Пуго, работавший в начале 70-х секретарём ЦК ВЛКСМ, несколько лет возглавлял родительский комитет 711-й, в которой обучался его сын Вадим. Однажды даже организовал для учителей великолепную поездку в Ригу.

А вот в реальных спецшколах дела обстояли, конечно, иначе.

Другой мой товарищ – Михаил Бочаров – учился как раз в такой школе, с углублённым немецким языком, я её уже упоминал. В десятом классе в школу приехал представитель МГИМО, Миша пошёл с ним на встречу и соблазнился специальностью «Международная журналистика».

Для поступления требовалось получить рекомендацию райкома комсомола. Получил! И подумал, что МГИМО теперь в кармане. Тем более, что пригласили на собеседование с проректором этого престижного ВУЗа, а это в принципе могло дать 0,5 балла дополнительно к экзаменационным оценкам в институте.

«Однако я их не заработал, – вспоминает Миша. Ответив на все вопросы касательно эрудиции, слышу от проректора вопрос:

«А Геннадий Бочаров из «Комсомолки» – не Ваш родственник?»

«Отвечаю, что нет. Это была правда, но ошибка. Я не знал, что в МГИМО после школы принимали главным образом детей дипломатов и международных журналистов. Ну, и там сколько-то рабочих и колхозников по разнарядке.

Вместе со мной сдавал экзамены сын известного политобозревателя Никита – он и поступил.

Его отец, Александр Жолквер, работал корреспондентом Гостелерадио ССР в ГДР. Никита с трёх лет жил в Берлине. В 1981-м закончил МГИМО. С 1987-го года работал журналистом: сначала в московском еженедельнике «Новое время», а с 1992-го – в медиакомпании «Deutsche Welle» в Кельне. Ну и дай Бог!»

Ещё интересный момент из Мишиных воспоминаний:

«На вступительных экзаменах в МГИМО я познакомился с девушкой, которую папа привозил на чёрной «Волге» – это в то время выглядело как сейчас «Майбох» или «Бентли». Увидев меня во второй раз с его дочерью после экзамена, родитель деликатно намекнул, чтобы я больше к ней не подходил, не мешал готовиться к экзаменам, то бишь к будущим подвигам во имя процветания нашей великой страны...»

\* \* \*

Так значит, Кутузовский проспект располагался с одной стороны от 67-й школы. А с другой стороны находился заводской район Филя с гигантскими оборонными и прочими предприятиями. Почему Кутузовский с Филями близнецы-братья? Объясню, почему. Где Кутузов заседал перед Бородинским сражением, помните? В Филях! Вот изба-музей, многократно перестроенная, от этого факта осталась. И знаменитая панорама «Бородинская битва» тут. Отсюда и близлежащий проспект назван именем полководца. Правда, заводов здесь в 1812-м году не наблюдалось, но громкие имена той войны сгруппировались именно вокруг избы и панорамы. Чуть ближе и чуть дальше улицы носили имена генералов Ермолова и Барклая де Толли, храброго гусара и поэта Дениса Давыдова, «народных мстителей» Герасима Курина и Василисы Кожинной. Да, не забыть ещё про метро «Багратионовская».

С одной стороны, малышня в пионеры принимать водим пешком по Кутузовскому проспекту аж на Красную площадь, в крайнем случае – в панораму «Бородинская битва». С другой, – отбиваемся на танцах от прокуренных и пропитых пацанов «с рабочих окраин».

С одной стороны, интеллектуалы с фамилиями типа Грейгауз или Динкин, которые всяких мандельштамов читают наизусть. С другой стороны, – Мишка Кузькин, который на спор в школьном туалете выпивает из горла бутылку водки. Не отрываясь и без закуски...

Однако дворовое пионерское детство как-то мало-помалу испарилось. Прежние дворовые «учителя» теперь служили в армии или поступили в военные училища, немногие – в гражданские институ-

ты. Мои сверстники из одной школы разбрелись по разным. И новая школа постепенно и естественно заменила двор, улицу. И не было прекрасней и родней наших солнечных Кутузовских Филей.

Впрочем, «дворянство», а точнее «дворОвство» иногда о себе напоминало. После девятого класса едем с другом-одноклассником Саней Давыдовым в подмосковный турлагерь «Глобус». Всё хорошо в лагере: и природа, и походы, и танцы по вечерам. Однако преобладали тут ребята вовсе не с Кутузовского проспекта, а как раз с «Кунцева, Сетуни, фабрики Ногина», о которых я уже рассказывал. Мы как-то своей интеллектуальной палаткой из четырёх человек с ними не сильно сошлись: играли уединённо между собой в карты, в домино, пели песни под гитару.

И вот однажды руководители лагеря (не вожатые, а туристские инструкторы) – комсомольцы, понятный вопрос, дают команду отряду собирать в лесу сушняк для кухни. Кому-то из кунцевских не понравилось, как я собираю, он говорит:

«Ты чего сачкуешь?»

«За собой смотри!» – отвечаю.

«Это что, борзость?!»

«Да пошёл ты!»

«Ну, мы ещё поговорим...»

«Поговорим», – и диалог закончился.

После обеда собеседник, его звали Валера, подошёл к палатке и предложил отойти в лесок. Отойти так отойти – я в себе был уверен, да и Валера совсем не Валерий Попенченко – популярный в тот период боксёр. Что касается Арнольда Шварценегера, Чака Норриса и им подобных, то о них мы в то время слыхом не слыхали, поэтому даже в качестве авторитетного образа для сравнения с Валерой не упоминаю.

Ну вот. В лесок приходим, а там ещё пять человек стоят. Я думал, что наблюдатели, и иду спокойно. Но не успел ни «А», ни «Б» сказать, как получил боковой от одного «наблюдателя», потом от другого. И пустили по кругу: руками, ногами били... Хотелось бы, конечно, рассказать про собственную крутизну, как мужественно отбивался. Да куда там... До палатки еле доплёлся.

Вечером, во время прощального костра, «наблюдатели» пришли к нашей палатке и теперь вломили остальным моим «сокоечникам». За компанию. Не усталый и довольный, как писали в школьных сочинениях, а посрамлённый и подавленный вернулся я домой: без гитары, но с большим фингалом.

Кстати, утром перед отъездом комсомолец-инструктор добродушно спросил:

«А чего это у тебя фингал-то?»

«Упал».

«Понимаю! В яму с кулаками. Быв-ва-а-ат», – заключил молодой «педагог» (токарь с кунцевского завода) и жизнерадостно заржал.

Впрочем, история на этом не закончилась. Месяца два спустя, иду я по кунцевской улице, а на встречу пьяненький Валера:

«Какие люди! Помнишь меня? Пойдём, я тебя с ребятами познакомлю».

«Уже знакомил. Опять ссышь один на один, опять за других спрятаться хочешь?»

«Кто ссыт? Пошли!»

Переходим через дорогу, там какие-то гаражи. Вижу боковым зрением, что Валера готовится ударить исподтишка – и вот ожидаемый вымах. Уклоняюсь, его кулак лишь слегка проходит по моему лицу, но я, используя инерцию, бью и попадаю нормально, Валера падает на землю. Дорабатываю ногой и шустренько ухожу в сторону дома, пока «друзья-наблюдатели» не подоспели.

Это о напомнимшем о себе «дворОвстве». А теперь вернёмся в пространство 67-й.

Не состоять в комсомоле здесь считалось неудобным, поскольку это «нестояние», пардон, «несостояние», лишало тебя многих весьма интересных страниц школьной жизни. К концу десятого класса «несостоявших» оставалось единицы.

Надо сказать ещё и о том, что к романтике текущих 60-х, которая нас «зацепила» в предыдущей школе, здесь добавились отблески даже и 20-х годов. Что такое «отблески»? Ну, скажем, ветераны комсомола. Те, кто стал комсомольцем прямо в год рождения молодёжной организации, в 1918-м, были в начале 70-х не только живы, но даже бодры и проникнуты энтузиазмом. В то время этот старческий энтузиазм казался мне смешноватым.

Ветераны приходили к нам на собрания и зажигательно вспоминали революционные годы. Слушать надоело, и мы начинали после каждого очередного пассажи бурно аплодировать. Ветераны думали, что это делается искренне...

Позже, присмотревшись к «комсомольцам двадцатого года», я стал улавливать какие-то новые, неизвестные, несмешные или даже совсем грустные нотки.

\* \* \*

Агнесса Ефимовна Вайнштейн и в 70, и в 75, и в 80 лет, когда я её знал, оставалась пламенной комсомолкой. Рассказывала нам, как родилась в семье парикмахера в белорусском городе Бобруйске. Как революция дала ей всё: перебралась в Москву, возглавила Хамовнический райком комсомола, затем стала заведующей отделом политпросвета Московского городского комитета ВЛКСМ, была делегатом комсомольских съездов; далее – советская и партийная работа.

И вот как они с ребятами-комсомольцами...

«1922 год. В старых Хамовниках было очень много прекрасных дворянских и помещичьих особняков, – рассказывает Агнесса Ефимовна. – Все они находились на учёте в Бюробин (бюро по обслуживанию иностранцев) при Наркоминделе. Мы решили добиться, чтобы один из особняков передали райкому комсомола для клуба. Находим подходящий особняк помещицы Якунчиковой в переулке Островского, дом 10 (бывший Мёртвый). Помещица там ещё живёт. Как его получить?»

Идём в РК партии, потом в Моссовет – везде находим понимание. Но последнее слово, оказывается, за Совнаркомом. Пишем туда письмо, и в октябре приглашают в Кремль. Райком партии поручил мне быть представителем района по этому вопросу.

Наш вопрос шёл под большим номером, чуть ли не 180-м. Наконец, вызывают. Скинув тулуп, волнуясь, вхожу в зал заседаний Малого Совнаркома. Первым говорит представитель Бюробин, доказывая, что особняк нужен им. Вдруг голос председательствующего:

«Слово молодёжи».

Я просто выпалила:

«Дорогие товарищи! Вы видели на улицах наш лозунг: «Долой разврат бульваров и улиц, да здравствуют школы и клубы рабочей молодёжи. Дайте нам это помещение, и мы этот лозунг превторим в жизнь».

Раздаётся голос председательствующего:

«Кто за молодёжь? Кажется, все».

Через несколько дней получаем ордер и отправляемся в особняк. Якунчикова ещё не выехала. Но сдержать ребят уже невозможно. Алюминиевыми тарелками и ложками, песнями, свистом устраиваем «кошачий концерт». Якунчикова на следующий день уходит из особняка...

Вскоре у входа в клуб появился портрет Карла Либкнехта и его слова:

«Сегодня раздаётся подземный гул вулкана, но завтра этот вулкан разразится и под потоками своей горящей лавы сожжёт врагов пролетариата».

Как это, – это уже я рассуждаю? Сначала дом национализировали – отняли, другим словом, а потом законной хозяйке и выехать спокойно не дают? А, как? Но это вопрос в стилистике сегодняшнего дня. В 70-х годах прошлого века вопросы так не ставились: убирайтесь, проклятые буржуины, дайте дорогу комсомольцам!

А вот воспоминания товарищей Агнессы Ефимовны о другом доме, где в центре внимания фигурировала иная весьма известная персона:

На Смоленском бульваре, в доме 26/9 находился особняк фабрикантов Морозовых, потом Ушаковых. После национализации здесь создавался рабочий Клуб Октябрьской революции. Его открытие намечалось на 10 ноября 1918 года. Многие знали, что на открытие приглашены В.И. Ленин и Н.К. Крупская и с нетерпением их ждали. Но многие... никогда не видели Ленина в лицо и даже на портретах того времени, немногочисленных и не совсем качественных.

Когда у входа в клуб появилась некоторая интеллигентного вида пара, бдительные контролирувавшие вход комсомольцы строго спросили:

«Вы кто?»

«Я – Ленин...»

«А документ у Вас есть?»

«Да...» – и показал удостоверение председателя Совета Народных Комиссаров.

Дальше – пошло-поехало.

«Правда» писала, как «неподдельной радостью и энтузиазмом горели лица рабочих при виде своего любимого вождя». Как Владимир Ильич выслушал выступления рабочих, поинтересовался, что думают они делать в своем клубе. Обратив внимание на чудесные барельефы, украшавшие потолок и стены зала, он заметил, что всё это создано трудом народа и теперь принадлежит народу и поэтому надо бережно хранить клуб...».

Агнесса Ефимовна была очень забавна своей комсомольской целеустремлённостью, с которой, как нам казалось, прожила всю жизнь: так и шагала под красным знаменем.

Она совсем не рассказывала о том, как была арестована в 1936-м; как последовательно прошла Лубянскую, Бутырскую, Саратовскую, Владимирскую тюрьмы и Печорскую ссылку; как работала на строительстве железной дороги Печора – Воркута; на шлакоблочном и кирпичном заводах. Как реабилитировали только в 1955-м...

Она сохранила. А мы ещё не приобрели. И захлопывали пламенные речи, и потешались над блаженными комсомольцами двадцатого года. Таких на Кутузовке и в Филях оставалось ещё много.

### Игорь Ильинский, Лиля Брик и бедный Барсик

Рядом с комсомольской романтикой соседствовала совсем иная: слава Богу, что в атмосфере 67-й она не противоречила никаким канонам ленинского коммунистического союза молодёжи. Учитель литературы Евгений Семёнович Топалер читал нам на уроках стихи каких-то своеобразных поэтов: вроде бы и не запрещённых, не антисоветских, но при этом не включённых в школьную программу. Книжки их можно было найти лишь на толкучке, да по бешеной цене.

Мы знали про Александра Блока и Сергея Есенина и даже изучали их творчество.

Мы едва слышали про Ивана Бунина, Анну Ахматову, Марину Цветаеву.

Мы не слышали и впервые открывали для себя Игоря Северянина и Андрея Белого.

Мы хорошо знали и учили наизусть Владимира Маяковского. При этом не могли представить себе, что рядом ходят живые «маяковские» персонажи. Но как-то одна эмансипированная девочка из класса – дочка советника посольства СССР в серьёзной европейской стране – показала мне на Кутузовском, прямо на улице, вычурно одетую старушку. Показала и, белея от гнева, прошипела:

«Это она, эта .... Привела к самоубийству Володю Маяковского».

«Какой он тебе Володя? Он ушёл из жизни задолго до нашего рождения».

«А я всё равно люблю его. Если бы он был жив, я бы ему отдалась».

А пока дала мне... бумажку с машинописным текстом:

«Дым табачный воздух выел,

Комната в крученыховском аде.

Вспомни, за этим окном впервые

Руки твои, исступлённый, гладил...»

«Это Маяковский. Стихотворение «Лиличка» называется. *Этой* .... посвящено! Она не стоила того».

Так внезапно я узнал о Лиле Брик. О том, что она не просто живёт на Кутузовском, но и здравствует ничего себе.

В школу приезжал Игорь Ильинский, знакомый ещё по немому кино, его изредка транслировали по телевизору и в кинотеатре «Иллюзион» в высотке на Котельнической набережной. А уж «Волга-Волга» и «Карнавальная ночь» пользовались реальной всенародной любовью. Помимо звания «Народный артист СССР» Ильинский объявлялся и как «мастер художественного слова».

У нас он читал рассказы Михаила Зощенко. Не знаю почему, но мне запомнилась «Ёлка». Там мама с папой нарядили новогоднюю ёлку и ожидали гостей, прихорашиваясь в своей комнате. Брат с сестричкой пришли к ёлке, висевшие сладости съели-понадкусывали, а игрушки, предназначенные в подарки гостям, поломали. Гости возмутились и разошлись, а папа в наказание уложил детей спать...

Мы, девяти- и десятиклассники, великоваты для этого рассказа, но искусство декламации потрясло. А когда позже узнали, что артист в 70-е уже сильно слепнул, и по четырёхэтажной школьной лестнице в актёрский зал его вели под руки, впечатлились ещё больше...

В такой атмосфере у комсомольцев гуманитарного класса «В» зарождались дерзкие мысли. Ну, помните, как в фильме Эльдара Рязанова «Берегись автомобиля» режиссёр самодеятельного театра произносит:

«Не пора ли, друзья мои, нам замахнуться на Вильяма, понимаете ли, м-м, нашего Шекспира?»

Труппа театра отвечает:

«И замахнёмся!»

Мы с другом Саней Давыдовым графоманили и в простой восьмилетке. В поэтических изысках «смело рифмовали слова «любовь» и «кровь», а в прозе блистали сочинениями на тему «Как я провёл этим летом». Учителя литературы просили нас зачитать опусы всему классу и ставили неизменные пятёрки. А как-то в пионерлагере журналист поговорил со мной минут пять на тему активного претворения юными ленинцами заветов Ильича в жизнь, потом написал и опубликовал в самой «Пионерской правде» заметку... за моей подписью. Это обеспечило мне всероссийскую славу: шли письма сверстников из далёких деревень, где тоже выполнялись заветы вождя, и прочее.

В общем, мы считали себя талантливыми молодыми поэтами-писателями-журналистами с абсолютно успешным будущим.

Однако... После первого сочинения в 67-й литератор Топалер по прозвищу «Сэм» вывел каждому из нас по красной тройке с минусом и устным добавлением:

«А вообще-то это «два»!

Расстроившись, мы взяли по пиву и пошли курить на пристань Москвы-реки, напротив теперешнего «Сити». И думать, как жить дальше. Может, бросить нахрен эту школу, где таланты не продвигают, а зажимают? Нарочно притом!

Следующие сочинения писали сдержаннее, без прежнего пафоса и стихотворных вкраплений. Так постепенно от «тройки» исчез минус, а потом и сама оценка «удовл» превратилась в приятную «хор». В 67-й такая оценка считалась высшей, и никто и никогда у Сэма «отл» по литературе в четверти и в году не достаивался. В то же время на обладателей «хор», поставленной в 67-й, смотрели с уважением – и в самой школе, и в престижных гуманитарных ВУЗах столицы, и в дальнейшей жизни.

Так вот. Когда начались «хор», Сэм рассказал нам о школьном журнале «ЛИМ» – «Литература и молодёжь». Журнал выходил раз в год, печатался на машинках (мы же машинистки!), экземпляров десять. На обложке самодеятельным школьным художником рисовался профиль великого Ленина, а ниже – три бравых комсомольца: космонавт, естественно, и жизнерадостные юноша с девушкой неузнаваемых, но очень нужных стране профессий.

Попасть с материалом в «ЛИМ» считалось делом о-о-о-чень престижным, а для нас – гуманитариев из класса «В» – вдвойне и втройне. Выпуск журнала «курировал», как тогда говорили, комитет комсомола, а в конкурсную комиссию для отбора и оценки материалов входили члены комитета, другие продвинутые ученики плюс, для контроля, учителя-литераторы.

Заскрипели «золотые» перья, застучали машинки, заработала конкурсная комиссия. Наконец, объявляются результаты. Первое место занимает рассказ Сани Давыдова «Смерть Барсика»:

«Он лежал на своей подстилке, вытянув лапки вперёд, и тяжело дышал. Его бока судорожно подымались и опускались. Когда я вошёл в комнату, он открыл глаза и попытался встать, но не смог. Тогда он издал тонкий жалобный звук, похожий на всхлип ребёнка, и пополз мне навстречу. Я подбежал к нему, взял на руки и прижал к груди. Он обнял меня передними лапками за шею и прижался своим мокрым горячим носом к моей щеке.

Я избегал смотреть ему в глаза, чувствуя себя чем-то виноватым перед ним. Но вот наши взгляды встретились... Сколько страдания было в его больших синих глазах! Как я любил эти глаза – порой грустные, задумчивые, иногда лукавые, с хитринкой, и всегда – прекрасные. Я смотрел в эти глаза, и вся его короткая жизнь мысленно проносилась передо мной...

Утром его не стало. А вечером, в компании друзей, веселящихся по поводу праздника, я не мог быть радостным. И когда все пили шампанское за свои светлые мечты, я поднял бокал за него...».

За лидирующее место в прозе для этого рассказа высказались члены комиссии из числа учителей-литераторов, ценителей психологических тонкостей в бессмертных произведениях классиков «Муму» и «Каштанка» и современников – как раз в самом начале 70-х вышла повесть Гавриила Троепольского «Белый Бим Чёрное Ухо».

Однако первое место дали и мне за рассказы с лучшими из возможных (я был в этом абсолютно уверен!) названиями: «Первый поцелуй» и «Дом, в котором живёт она». И текстами, несомненно, заслуживающими всеобщего признания. Ну, например:

«... Двое молодых людей шли, взявшись за руки. Сергей внезапно перестал говорить, и они пошли молча. Наверное, было хорошо и без слов. Лена чуть заметно улыбнулась про себя. Прощались они обычно весело: Сергей говорил своё короткое «покедова», Лена всегда смеялась и в такт ему отвечала «покеда».

Сейчас оба стояли у подъезда, опустив головы, прощаться не хотелось. Сергей кусал губы и ломал спички в кармане, потом, вдруг решившись, нагнулся и поцеловал. И первый раз увидел настоящему её глаза, радостные, светящиеся. Лена смотрела ему в лицо, улыбаясь той детской улыбкой, которая так понравилась Сергею при первой встрече...».

Рассказы вполне графоманские, однако понятия «графомания» ученики – члены комиссии не знали, но про любовь им очень нравилось. Тем более, что они знали, о ком тут идёт речь. Имели возможность понаблюдать и живую, поскольку целовались мы не только у подъезда, но и в школе на переменах. Уважали, в общем.

Вы полагаете, что в «Барсике» и «Поцелуе» мало комсомольского? А мы искренне верили, что это вполне комсомольские и жизнеутверждающие произведения.

Первое место в категории «Стихи» получил тоже наш одноклассник, Саша Федин, за ещё более комсомольское стихотворение «Мой любимый предмет»:

«Меня спросили: «Что ты любишь?  
Для чего ты живёшь на свете?»  
До чего ж любопытны люди!  
Но придётся мне им ответить.

Мой ответ будет прям, как строка.  
Не хочу зря бумагу марать.  
Так что всё, что напишет рука,  
Моё сердце могло бы сказать.

Каждый день предо мной мудрость слов  
И железная логики бронь,  
И «физический» скрип рычагов,  
И реакций химических вонь.

А «история»? – Учит, как жить!  
А писатели? Учат, что делать!  
Слов поток надоело мне лить.  
По земле босиком бы побегать.

Я люблю нюхать пёстрый букет  
И восходы с друзьями встречать.  
Жизнь – мой самый любимый предмет!  
Не устану его изучать».

А что? От Маяковского есть. От Чернышевского даже! Дух довоенных комсомольских поэтов прослеживается! Правда, некомсомольский Есенин затесался...

Вдохновлённый невиданным успехом, я соединил два своих рассказа в один, дополнил их подробностями, назвал произведение повестью «Дом для поцелуев» и понёс в журнал «Юность».

Сильно прокуренная заведующая каким-то отделом журнала неспешно перелистывала мои рукописные страницы, задерживаясь взглядом на отдельных местах, а потом сказала:

«Вы очень складно пишете, молодой человек, но...».

Меня переполнил восторг, душа развернула крылья и взлетела. Не дожидаясь окончания фразы, я спросил:

«Значит, опубликуете?!»

«А вот это нет».

«Почему, я готов доработать?»

«Дорабатывать не надо. Вы знаете, юноша, о чём пишут девяносто процентов ваших сверстников, да и более старших товарищей?»

«Не знаю... О чём же?».

«Про любовь. Поцелуи. Дома, возле которых совершаются поцелуи... Вот поэтому и не опубликуем. Попробуйте написать о чём-то другом. И вообще: оставьте временно мысли о писательстве, а начните с журналистики».

«Что это значит?»

«На факультете журналистики МГУ работает ШЮЖ – школа юного журналиста. Запишитесь туда и набирайтесь мастерства».

## Шумит, как улей, родной завод

В десятом учиться стало некогда. Ну, в школу-то, конечно, ходили, а вот что касается домашних заданий...

Одноклассник Сергей Чекалин – кандидат в мастера спорта по плаванию. Одна тренировка у него планировалась перед школьными занятиями (которые, напомним, начинались в 8.30 утра), вторая – после занятий. И каждые месяц-два выездные сборы и соревнования. Какие тут уроки – поспать бы немножко.

Лена Филимонова блистала в фигурном катании. Утром она вроде бы не каталась, в остальном то же самое.

Почти в отличниках (я уже рассказывал, что по литературе пятёрку у нас не имел никто) до последнего держались две подружки: Оля – племянница правительственного босса из первых верхних номеров и Валя – просто прилежная девочка и дочь обычных родителей. В конце концов, и вторая плюнула на это дело. Как там говорится в скабрёзной версии «Евгения Онегина»: «Она не долго горевала – такой уж женщины народ. Я не стара ещё, – сказала, – я жить хочу...», ну и так далее. Осталась Оля-отличница в одиночестве.

А мы с Саней Давыдовым... А что мы? Уроков бывало шесть, а случалось семь и восемь – спецкласс как-никак. Часа в три начиналось бурное и горячее заседание комитета комсомола, глядишь – уже пять. Домой? Да щас! На пристань пивка попить с бутербродиком, курнуть – и в ШЮЖ, мастерство оттачивать, как и рекомендовали товарищи из «Юности».

Оттачивание мастерства начиналось в девятнадцать часов и продолжалось до двадцати двух. Преподаватели – третьекурсники журфака МГУ казались нам невероятно взрослыми и талантливыми «монстрами» журналистики. Мы учились у них не совсем журналистике – мы учились полёту! Перешагнуть обыденное, взлететь, воспарить, посмотреть на землю сверху вниз и опуститься... где-нибудь на страницах «Московского комсомольца» – острова запредельной мечты.

Ну, к «МК» я ещё вернусь, а пока – ШЮЖ. Занятия проходили в культовом здании факультета журналистики МГУ на проспекте Маркса. Культ чего здесь культивировался? Да всего! Коммунизма и комсомолизма, либерализма и анархизма, усидчивости и раздолбайства. К кому хочешь, к тому и примыкай. То есть вполне веяло свободой.

Быстро перенимались факультетские привычки – в первую очередь, вредные, как обычно по жизни и происходит. Так, МГУ им. Михайлы Василича Ломоносова венчают два его памятника: один, на Ленинских горах, где он стоит; второй, на проспекте Маркса, где Ломоносов сидит. Первый памятник располагается как-то особняком, и что вокруг него делать – не совсем понятно. А вот второй сидит очень даже удобно: если зайти анфас, то выходящей из дверей журфака профессуре нас не видно. А идущим внизу, за заборчиком по проспекту Маркса людям голову задирают вверх, чтобы на нас полюбоваться, просто незачем.

И что? Да то: выпить можно легко, прямо у факультета. Происходило это следующим образом. В перерыве после первой пары назначенный «гонимый» бежал либо в расположенный поблизости «Военторг» на проспекте Калинина (там винный отдел работал до 21.00), либо в «Елисеевский» на улице Горького (до 22.00) и соответственно, приносил искомое. После завершения второй пары мы, не заходясь, выпивали по стаканчику и разъезжались по домам.

А выходные? В выходные был какой-нибудь спорт, или турпоходы, или театр, или мы просто (тогда такого слова не было) тусовались. Как? Двумя способами. Либо танцевали-выпивали у кого-то на квартире, либо ходили по московским кабакам.

Вообще-то большого выбора не предлагалось. Существовал бар в здании кинотеатра «Октябрь», где всего за 60-70 копеек покупался коктейль, называемый «пуншем». Туда и правда плескали сколько-то пунша, доливали газировкой и бросали ягоду. «Шампань-коблер» котировался покруче: шампанское, потом чуть-чуть того же пунша, далее по тексту. Но это уже переваливало за рубль. Ни в голове, простите, ни в з-це, но посидеть-поболтать под сигаретку можно.

Расскажу всего одну душещипательную историю. В одну из суббот решили шикануть и пошли, человек десять в соотношении девочки-мальчики 7:3, в кафе «Лира». Вам это ни о чём не говорит? Сейчас скажет! Пушкинская площадь – Тверской бульвар, первый «Макдональдс» в Москве. Но это уже в 1990-м году, а я вспоминаю 70-е. Итак, зашли. По коктейльчику? Ага! По закусочке? Натюрлих! Цены в меню не смотрим (нас ведь много, как-нибудь расплатимся), коктейльчики не считаем, сколько у кого денег не интересуемся.

Пришла пора подведения итогов приятного вечера в «Лире», стали доставать из карманов рубли-копейки. Набрали на всех целковых двенадцать-тринадцать. А счёт... на пятьдесят. Сначала немая сцена. Потом препирательство с официантом, включающее угрозы школой и милицией. Далее попытка предложить официанту вместо денег часы или шапку...

Всё разрешилось просто: дочка ракетного академика и дважды Героя Соцтруда Марина позвонила маме, та приехала и выкупила нас...

\* \* \*

Выходит, таким образом мы оттачивали журналистское мастерство? Ну, зачем же? Программой обучения в Школе юного журналиста обязательно предусматривалось прохождение практики в каком-нибудь издании. Когда об этом объявили, настроение существенно приподнялось: вот она, началась, настоящая журналистика! Видимо, в «МК». А может, подымай выше – «Московская правда»? Или (хоть курьером или даже полы мыть) – «Правда», «Известия»?

Да... Если «Комсомолец», то что напишем? Так про свою школу: как там здорово поставлена комсомольская работа; как проводим КВНы и турслёты, как зажигательно проходят заседания комитета комсомола; как занимаемся с теми, кто отлынивает от общественной работы. Про «ЛИМ» можно с литературными изысками.

А если «Московская правда»? Тогда как раз про бар в «Октябре» да про «Лиру». Мол, куда молодому человеку податься в Москве при таких-то ценах?! В подворотнях выпивать? И случай тот самый разукрасить! Впрочем, школьникам выпивать-то не того... Так мы и не будем называться школьниками: корреспондент такой-то и всё.

Маловероятно, что в главную партийную газету пошлют, но гораздо интереснее, конечно, «Правда». Там можно про Владимира Ильича Ленина поговорить, тем более его 100-летие только что отметили. Все в стране задолбались соревноваться друг с другом и на бумаге перевыполнять всё, что можно, и во много раз. От чего колбасы в магазинах как минимум не появлялось, а как максимум не прибавлялось. Но Ленин тут ни при чём! Ленин шёл правильным путём. Ленин понял бесперспективность военного коммунизма, когда у крестьян забирали весь хлеб, и они проявляли законное недовольство. Ленин написал статью «О продовольственном налоге», и продразвёрстку заменили продналогом. А также статью «О кооперации», которая помогла возродиться деревне. И начался НЭП, позволивший вытянуть страну из нищеты.

Даже Сэм вместе с другими школьными литераторами-вольнодумцами не посягал на Ленина и громким басом, с выражением, по собственной инициативе читал на уроках «Разговор с товарищем Лениным»:

«Товарищ Ленин, я вам докладываю  
Не по службе, а по душе.  
Товарищ Ленин, работа адская  
Будет сделана и делается уже...»

А уж что касается школьных поэтических конкурсов, то ни один из них не обошелся без поэмы «Владимир Ильич Ленин», где:

«Коммунизма призрак по Европе рыскал,  
Уходил и вновь маячил в отдалении...  
По всему поэтому в глуши Симбирска  
Родился обыкновенный мальчик Ленин...»

Это уж потом строчки «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше», особенно пассаж после запятой, стали похмельной поговоркой, а тогда нет – высокий штиль!

Бюрократизм – да, был и есть, взять стих того же Маяковского «Прозаседавшиеся». Но Ленин боролся с бюрократизмом.

Ещё он «Письмо к съезду» написал, где предупреждал:

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью».

Предупрежда-а-ал! Съезд не послушался и оставил Иосифа Виссарионовича на посту генсека Коммунистической партии. А он вон чего натворил. Людей в колхозы насильно сгонял, за что потом упрекал других в статье «Головокружение от успехов», о ней мы узнали из «Поднятой целины» нобелевского лауреата Михаила Шолохова. Откуда же ещё? Произведений Сталина в начале 70-х было не достать.

Людей репрессировал. Да как-то в начале 70-х об этом поутихло. Но нашим комсомольцам палец в рот не клади: один голосистый паренёк извлёк из какой-то папки вырезку из «Правды» 1962-го года и прочитал со сцены «Наследников Сталина»:

«Безмолвствовал мрамор. Безмолвно мерцало стекло.  
Безмолвно стоял караул, на ветру бронзовея.  
А гроб чуть дымился. Дыханье сквозь щели текло,  
Когда выносили его из дверей Мавзолея.

Гроб медленно плыл, задевая краями штыки.  
Он тоже безмолвным был – тоже! Но – грозно безмолвным.  
Угрюмо сжимая набальзамированные кулаки,  
В нём к щели приник человек, притворившийся мёртвым.

Хотел он запомнить всех тех, кто его выносил -  
Рязанских и курских молоденьких новобранцев,  
Чтоб как-нибудь после набраться для вылазки сил,  
И встать из земли, и до них, неразумных, добраться...»

Почему же теперь «Правда» молчит? Надо обязательно поставить этот вопрос!

И про XXI съезд партии, он только что прошёл, стоит написать. Где нынешний генсек КПСС Леонид Ильич Брежнев чётко сказал: главная особенность момента состоит в том, что в СССР построено развитое социалистическое общество.

Хотя тут выявилась заковырка: как правильно произносить – рАзвитое или развитОе? Старшие товарищи разъясняли: рАзвитым может быть ребёнок, а социализм – только развитЫм! А я прикидываю: в чём разница-то?

Рядом возникал следующий вопрос. Руководители партии давно говорят, что социализм у нас в стране построен окончательно. А раньше был построен полностью. То есть раньше полностью, но не окончательно? А вдруг теперь окончательно, но не полностью? Как тут разобраться...

И снова соцсоревнованиями достали: сначала навстречу съезду, потом «решения съезда в жизнь», потом в честь каждого года очередной пятилетки с каким-то судьбоносным названием.

Чуть позже родился анекдот:

«Знаешь, что есть проект переименовать дни недели в соответствии с темпом социалистического соревнования? Понедельник будет «начинальник», вторник – «продолжалъник», среда – «решальник», четверг – «определяльник», а пятница – «завершалъник»!

«А с субботой и воскресеньем как?»

«Им оставят старые названия: «субботник» и «воскресник!»»

В общем, оставалось положить с прибором на этот съезд, или запутаешься, или проколешься!

Ну, а если до «Известий» дело дойдёт, там надо обязательно высказаться о международном положении. Мне ближе всего, конечно, китайская тема, поскольку она с самого рождения шла по жизни рядом. Совсем маленьким пацаном помню, как по радио звучала песня:

«Русский с китайцем братья навек.  
Крепнет единство народов и рас.  
Плечи расправил простой человек,  
С песней шагает простой человек,  
Сталин и Мао слушают вас.

Москва – Пекин.  
Москва – Пекин.  
Идут, идут вперёд народы.  
За светлый путь, за прочный мир  
Под знаменем свободы...»

Сомневаетесь? По радио звучать не могло, поскольку Сталина уже развенчали? Именно из-за этого коммунисты страны Советов с Китаем поссорились и стали «ревизионистами». Ну, тогда на пластинках.

Но китайские кеды марки «Два мяча», ракетки и воланы для бадминтона, термосы с красивым рисунком букета цветов, махровые полотенца – точно не развенчали, они по-прежнему продавались в магазинах и пользовались большой популярностью.

И вот на тебе – в Китае «Большой скачок». Типа: воробьёв всех уничтожить, чтобы зерно на полях не склёвывали, а заодно крыс, мух и комаров – и урожаи повысятся. Кустарно-дворовую выплавку металла наладить, чтобы догнать и перегнать по этому показателю Америку. Коммуны организовали, да такие, что Сталину и не снились. «Культурная революция» – так это вообще упасть и не встать...

Но как понять: в 1950-м – договор о дружбе навек; а через 10 лет – разрыв дипотношений и нарастание напряженности? В 60-х по телевизору показывают, как китайцы осаждают посольство СССР в Пекине, как переворачивают наши автомобили, как выкидывают лозунг «СССР – наш смертельный враг»...

В 1964-м Высоцкий написал песню «Письмо рабочих тамбовского завода китайским руководителям»:

«В Пекине очень мрачная погода,  
У нас в Тамбове на заводе перекур, –  
Мы пишем вам с тамбовского завода,  
Любители опасных авантур...

А если зуд – без дела не страдайте, –  
У вас ещё достаточно делов:  
Давите мух, рождаемость снижайте,  
Уничтожайте ваших воробьёв.

И не интересуйтесь нашим бытом –  
Мы сами знаем, где у нас чего.  
Так наш ЦК писал в письме открытом, –  
Мы одобряем линию его!»

Через пару лет – ещё одну, «Возле города Пекина»:

«Возле города Пекина  
Ходят-бродят хунвейбины,  
И старинные картины  
Ищут-рыщут хунвейбины

И не то чтоб хунвейбины  
Любят статуи, картины:  
Вместо статуй будут урны  
«Революции культурной»

И ведь главное, знаю отлично я,  
Как они произносятся,—  
Но что-то весьма неприличное  
На язык ко мне просится:  
Х..-вей-бин»

Китайская тематика уже к 66-му так всех достала, что Высоцкий написал и третью песню на большую тему. Вот как он сам рассказывал об этом на одном из концертов:

«И я тоже увлекаюсь фантастикой... ..Я прочитал такую книжку «Эврика». И в этой книге написано, что... существует такая звезда Тау Кита. И с неё радиотелескоп в Англии поймал сигналы. И кажется, это упорядоченные сигналы. Может быть, там есть разумные существа. Вот я и написал такую песню. Называется она «В далёком созвездии Тау Кита»:

«В далёком созвездии Тау Кита»  
Всё стало для нас непонятно, —  
Сигнал посылаем: «Вы что это там?» —  
А нас посылают обратно...

На Тау Кита  
Чегой-то не так —  
Там таукитайская братия  
Свихнулась, по нашим понятиям...»

Короче говоря, соответствующее настроение и отношение к Китаю постепенно нагнеталось. И достигло своего апогея понятно когда: во время советско-китайских боёв за остров Даманский в 1969-м. Они напали — советские воины дали достойный отпор: сначала отбивались автоматами и БТРами, а потом пожгли их «Градами». Событие стало на долгое время новостью дня номер один.

А мы-то, столичные ребята, что? Там Даманский, а тут Москва! Так-то оно так...

Что-то мы общественно правильное делали на Мичуринском проспекте и зашли в магазин канцелярских принадлежностей. Продавец сразу спрашивает?

«Вам чернил?»

«Зачем?»

«Так вы пройдите чуть дальше по проспекту и посмотрите».

Мы пошли и посмотрели. Оказалось, что рядом находится китайское посольство. И люди кидают в него пузырьки с чернилами. Мы вернулись в магазин и купили чернил. Диспозиция выглядела следующим образом. Посольство располагается за забором, между забором и зданием — довольно большая поляна. Одно здание на переднем плане, два — на заднем. До них никак пузырёк не докинешь, а вот до переднего здания можно попытаться, успех зависит, так сказать, от спортивной формы кидавшего. И стояло здание в подтёках чернил и с разбитыми стёклами. То же самое происходило, впрочем, и с нашим посольством в Пекине.

В начале 70-х, о которых я рассказываю, противоречия между странами не смягчились, но дипломатические отношения были восстановлены, и «чернильные атаки» прекратились. Так и надо в «Известиях» ситуацию проанализировать!

Жаль, про то, что «Битлы» распались, писать некуда — кто ж такое напечатает...

\* \* \*

Имея в виду подобные творческие планы как перспективные, я получил направление на практику и зашёл в проходную... не совсем «МК», «Правды» или «Известий», я вступал в проходную Московского шёлково-ткацкого комбината имени зарубежной героини-революционерки Розы Люксембург «Красная Роза». Здесь предстояло узнать, во-первых, что такое многотиражная газета. Это с очень большим тиражом, что ли? Ну да, то есть с таким тиражом, который существенно выше тиража стенной газеты.

Во-вторых, почему газета называется «Челнок»? Я даже пытался пошутить на тему о том, что вроде моря не видно. В ответ отшутились: моря и вправду нет, а вот у тебя орган есть? Да... И у ткацкого станка есть самый рабочий орган – челнок. Он прокладывает уточную (поперечную) нить между нитями основы при выработке ткани. Ферштейн? Да как тут не понять!

«Парня встретила дружная заводская семья...». Ну, почти так. Меня встретил редактор «Челнока», молодой мужичок лет на десять меня постарше.

«Здравствуйте, а можно познакомиться с трудовым коллективом?»

«Знакомься, это я, Наум Аронович. А сам с собой ты, наверное, хорошо знаком».

«Это вся редакция?».

«А кто тебе ещё нужен?».

Начались трудовые газетные будни. Про Ленина писать не нужно, про съезд партии тоже, не говоря уже о международном положении. Писать требовалось про Героя Социалистического Труда Валентину Ивановну Бобкову, которая с 12 ткацких станков по норме перешла постепенно на 72. А также про алкоголика Алексея Ильича Курюмкина, который постоянно нарушал трудовую дисциплину и неоднократно попадал в вытрезвитель. Про механический цех, где готовят детали для набивного и теплотехнического цехов. Про ткацкий цех, который выдаёт очень нужные стране шёлковые ткани. Про заводской зимний пионерлагерь «Тополёк», куда мы поехали по морозцу и после обхода палат и мероприятий проголодались и плотно пообедали в лагерной столовой. Наум даже тихонько плеснул по рюмке. Заводская жизнь была ключом. Буквально.

\* \* \*

А до «Московского комсомольца» я всё же дошёл. В школьном отделе увидел и познакомился... Да только представьте себе обитателей святилища! Саша Аронов, мужик далеко за сорок – это тот, у кого:

«Если у вас нету дома, пожары ему не страшны,

И жена не уйдёт к другому,

Если у вас, если у вас, если у вас нет жены,

Не-е-ету жены!»

Аронов давно работал в штате «МК». Небожитель!

Юра Щекочихин. Ну... тот самый Юра Щекочихин. Тогда студент, состоявший в «МК» на полставки. Полубог! Не слышали про такого? Тогда ладно.

Паша Гутионтов, в том настоящем тоже студент, а в будущем – золотое перо страны Советов, а дальше и постсоветской России...

Собственные амбиции куда-то скрылись, я почувствовал себя маленьким неоперившимся птенчиком.

С Пашей и Юрой мы пересекались потом в «Алом парусе» – такую школьную страницу придумали в «Комсомольской правде», да и много где ещё.

А пока монстры журналистики обошлись со мной милостиво, помогли написать и опубликовать «птенчиковые» материалы. Ну да, про школу, про комсомольскую работу. Это требовалось, поскольку «МК» в то время был действительно комсомольской газетой...

## Через рубежи

Вот и последний звонок. Вот и аттестат, 1972-й – первый год, когда при поступлении в институт стал учитываться средний балл. Он округлялся до 0,5 единицы. И я как-то понял, что при поступлении на журфак МГУ следовало натянуть четыре с половиной, даже с возможностью округления надо набрать не ниже 4,25. С чего округлять? Гляжу в дневник. По астрономии, например, все оценки – двойка и снова двойка. Зато учитель – старичок Константин Миронович Липкин, очень добрый.

«Константин Мироныч, я «четыре» хочу».

«Похвально, молодой человек. Вы подготовьтесь, и мы встретимся, обещаю быть объективным».

Полистал я учебник. Какой там встретимся, если в учебнике-то страницы слиплись, поскольку не открывались... Встретились, я чего-то совсем невнятное лепетал, но получил «тройку».

«Пока не вырисовывается «четвёрка», мой юный друг. Но будем бороться!»

И назначил следующую встречу, стеснительно сказав:

«Выучите хоть что-нибудь...»

Уж не помню как, но натолкнулся на главу «Фазы Луны». Настолько обогатился астрономическим знаниями, что они не выветрились до сих пор. Осознал: если лунный серп в небе похож на букву «С», то это – Луна «Стареющая» или «Сходящая». Если же он повернут в обратную сторону, то, мысленно приставив к нему палочку, можно получить букву «Р» – Луна «Растущая». Растущий месяц обычно наблюдается вечером, а стареющий – утром. Вон как!

«Ну-с, молодой человек, что будем нынче отвечать?»

«Что? Фазы Луны...»

«Очень любопытно! Приступайте».

Рассказывал я с большим энтузиазмом и с уважением к приобретённым знаниям. Константин Мироныч остался доволен:

«За это «пятёрка», любезный. Что у нас получается? «Два», «Два», «Три», «Пять»... Ладно, «четырёху» выведем. Поздравляю с успехом!».

Ну, я кум королю. Четыре с половиной в аттестате уже гарантированы. А тут и «математичка» прорезалась:

«Саша, вот в вашем классе все лингвисты, но алгебру не любят. А вы вполне могли бы иметь «четыре», а выходит «тройка». Будете пересдавать?».

Больше всего мне не нравилось слово «лингвисты» в училкиной интерпретации. Никакие мы не лингвисты. Но математичка значение слова, видно, плохо понимала и повторяла на каждом уроке:

«Вот вы лингвисты».

Хотелось громко возразить:

«Да нам по барабану лингвистика, поскольку мы – «литераторы» и «англичане», раз на то пошло. Впрочем, алгебра с геометрией по барабану гораздо больше!»

Воздержался. Заветные 4,5 так и так выходили, стало быть, пересдавать алгебру нет смысла. За красовался в аттестате единственный «тройак». Да и ладно, не имеет значения. С ним и буду подавать на журфак документы. Но сначала выпускной.

Директриса – заслуженный учитель школ Российской Федерации и кавалер ордена Трудового Красного Знамени Роня Михайловна Бескина проводит у себя в кабинете сугубо мужской разговор с выпускниками сильного пола: с кем – группами, а с кем индивидуально.

«Я тебя (если один), вас (если группа) очень люблю. Так привыкла к тебе (к вам) за эти годы. Жаль расставаться. Уверена, что у тебя (у вас) всё будет хорошо, поступишь (поступите) в ВУЗ и сможешь (сможете) в полной мере реализовать свои творческие планы.

Но чтобы не случилось обратного...»

В этом месте голос директрисы крепчал и становился строже:

«...на выпускном – никаких поползновений! Иначе...»

«А каких поползновений? – робко спрашивали собеседники.- Куда ползти-то? (хи-хи). Мы чо? Мы ничо».

«Не надо хи-хи! К бутылке не надо ползти – вот куда! Всех проверим прямо на входе! Идите... дети!»

Пытливый ум выпускника начал усиленно работать. Мысль о том, чтобы не ползти к бутылке, отметалась немедленно. Как не ползти? Надо пытаться. Выпускной бывает раз в жизни. Другой вопрос, каким образом ползти.

Решили так. Несмотря на то, что в конце июня жарко, наденем пиджаки. Белые! Снимем и повесим их в классе, а в боковой карман положим по флажечке коньяку, она же плоская и останется незамеченной, в процессе вечера будем прикладываться помаленьку.

В общем-то здравая мысль. Ну, а на сам вечер что, «на сухую» идти? Давайте-ка возьмём «шампуника», заскочим перед выпускным на Поклонную гору и чуть-чуть разомнёмся. Так и сделали. Взяли втроём – я, Давыдов и Мишка Кузькин – бутылку шампанского и коробку сливочной помадки. Пришли на Поклонную, хватились – а стаканов нет. Попробовали хлебнуть из горлышка, а оно как даст газами! Брызнули соплями, слюни; пиджак и брюки – всё в шампанском. Сначала опешили и огорчились, а потом ржали как кони – еле отсмеялись. После смекнули: а давайте крышечку картонную с помадки под стакан приладим и будем из неё пить. Получилось!

Выпускной прошёл великолепно: братание с учителями; танцы, откровения, признания в нерушимой дружбе и вечной любви. С Красной площадью, Ленинскими горами. Надо бы утром домой, но почему-то опять заскочили в школу. Увидели учителя физкультуры Владимира Васильича: на стратегическом дежурстве сидит, скучный какой-то. Спрашиваем его:

«Дайте нам мячик, пожалуйста», – кровь юношеская будоражила, хотелось реально размяться.

Тот отвечает:

«Стаканчик? Так вон на шкафчике стоит».

Оставили в покое мячик, достали и употребили оставшийся коньяк. Васильич уснул, а мы надели на него хоккейный шлем, дали в руки клюшку и сфотографировались на память. Выпускной – что надо выпускной!

А дальше вступительные экзамены на факультет журналистики МГУ. Сочинение – «четыре», английский – «пять», история – «четыре», русский устный – «четыре». Последний экзамен принимал, Бог ты мой, целый Розенталь Дитмар Эльяшевич, по которому вся страна русский язык сверяла. Милый и совсем не страшный дедушка.

Итого 17 баллов. Плюс четыре с половиной аттестат – получается 21 балл с половиной. Успех? Как бы не так: надо 23 с половиной, поскольку 12 человек на место... Выходит, что жизнь меня, такого успешного и талантливую, жестоко обманула. И откуда-то из космоса прилетели слова солдатской песни: «Не плачь, девчо-о-о-онка, пройдут дожди...»

Чё делать-то? Да работать надо устраиваться, а с рабочей справкой, может, «на вечерний» с теми же баллами возьмут.

Где работать? В «Челноке»? Там одна штатная единица, а на ней Наум Аронович сидит. В «МК» без высшего образования, даже и незаконченного, точно соваться нечего.

Кумекаем с Саней Давыдовым и находим любопытную идею. Московская область чем плоха? Сел в пригородную электричку на станции Кунцево и через пятнадцать минут приехал на станцию Одинцово. Это хоть и маленький, но город, районный центр притом. Там наверняка районная газета есть. Сели и поехали.

На всякий случай. Сейчас Одинцово – серьёзный город, а Одинцовский район, вероятно, самый благодатный в Подмосковье. Это там, где современная Рублёвка, где самые высокие в Европе цены на огурцы и помидоры. И где живут почти все те, кого мы имеем в виду. А тогда был так себе городишко. Вдоль Рублёвки находились заурядные деревни. От станции Фили, ближайшей к 67-й школе, до станции Ромашково (это почти что Рублёвка), всего четыре остановки на электричке. Но ребят, ездивших оттуда в школу, мы называли деревенскими...

Есть газета! «Новые рубежи» называется. Орган городского комитета КПСС и городского совета депутатов трудящихся. Заведующий отделом «Рубежей» и выпускник столичного журфака Вася Курин встретил нас приветливо:

«Образование какое?»

«Десять классов».

«Не густо. А опыт журналистской работы есть?»

«Конечно», – и мы стали трясти публикациями из «Челнока» и «Московского комсомольца».

«Оказывается, производство знаете? Великолепно! Самое время познакомиться с сельским хозяйством. Правда, штатное расписание в газете заполнено, но можем взять внештатниками, на гоно-рар. Согласны?»

А куда деваться. Вскоре резкие звуки станков «Красной Розы» заменились мелодичным мычанием коров, хрюканьем свиней и кудахтаньем курей; вместо спёртого шёлково-металлического запаха заводских помещений мы внимали, как бы это получше выразиться – ну, пусть будет пряный – запах продуктов жизнедеятельности поточно выводимых домашних животных. Вместо бетонного пола под ногами колосились изрядно заросшие сорняками поля.

О чём писали? Обо всём. Например, о кукурузе:

«... Высокой зелёной стеной встала кукуруза. Механизаторы пожинают плоды своего напряжённого труда. С каждого гектара получают по 550 центнеров зелёной массы. Отменный урожай! Таким он стал возможен только при возросшей культуре земледелия, дифференцированном внесении минеральных и органических удобрений и, конечно же, обильном своевременном орошении. И во всём этом проявились характер, мастерство земледельцев...»

О том, как почти из дерьма производится «конфетка» для скота:

«...В кормоцех на обработку поступает солома. Сначала она подвергается измельчению, затем по воздуховодам подаётся в кормозапарники, где смешивается с паром, определённым количеством соли и известковой воды. Из них выходит уже готовый питательный корм, позволяющий увеличить продуктивность скота на 20-30 процентов...»

«Да, ребята, – подытоживал Вася Куприн первый месяц наших глубоко творческих поездок по хозяйствам района. – В проблематику входите вы умеете. Особенно удачно получилось про «возросшую культуру земледелия», «мастерство земледельцев» и «продуктивность скота». Но пора сосредоточиться на чём-то конкретном и в нём совершенствоваться.

За тобой мы хотим закрепить две темы. Ты ведь в недавнем прошлом комсомольский вожак, не так ли? Вот и возьми рубрику «Молодёжь (а это как раз комсомол!) остаётся в селе». А вдобавок – «Пьянству – бой». Здесь героями станут, вероятно, не только комсомольцы, но и люди более старшего возраста. Однако дело важное и благородное».

За первую тему я взялся с энтузиазмом. Надеюсь увидеть горящие глаза, комсомольский задор и услышать рассказ о том, как молодой парень или юная девушка хотят сделать своё село лучшим в мире, СССР или хотя бы в Московской области. Ну, чтобы как Ньюшу из «Братской ГЭС». Таких в принципе не нашёл, хотя обнаружил обилие совершенно иных, совершенно не романтических мотиваций: родители старенькие, надо за ними ухаживать, поэтому никуда не уезжаю; на птицеферме для своих работников курочки дешёвые, и яичек можно домой прихватить; зарплата более-менее подходящая.

Что касается оптимизма и веры в будущее, то они практически повсеместно выражались в стремлении молодых комсомольцев из деревни слинять, и чем быстрее, тем лучше.

Но я честно искал и выявил! Толя Куницын после восьмилетки и ПТУ поехал на комсомольскую стройку химкомбината в Воскресенск Московской области. Там и получил свой комсомольский билет, а за ударный труд – серьёзную награду, о которой скромно умалчивал: транзисторный радиоприёмник.

Потом вернулся в родное село и стал трактористом. К моменту нашей встречи Анатолия перевели на экскаватор.

«Ну, как?»

«Это, конечно, хуже, чем на тракторе, – вздохнул Толя, – но, как говорится, если надо, значит, надо».

Спросил ударника и о планах на будущее:

«Осенью пойду в вечернюю школу. Потом в техникум. В общем, учиться буду обязательно...»

На Голицынской птицефабрике познакомился с Надей Казанчевой. Потом написал:

«Профессия, которая увлекла и захватила Надю, нашлась – она стала птичницей. Трудится в бригаде коммунистического труда, взяла на себя высокие социалистические обязательства: получить в год от каждой курицы-несушки по 150 штук яиц, а валовой их сбор довести до одного миллиона 500 тысяч штук...»

В комсомол Надя вступила ещё в школе, а сейчас готовится стать кандидатом в члены партии. Тщательно просматривает газеты, знакомится с Уставом КПСС. Коммунисты цеха, который борется за присвоение звания цеха коммунистического труда, планируют принять Надежду в кандидаты к 50-летию образования СССР...»

Формально излагаю? В стиле отчёта о проделанной работе? Да я понимаю, что формально и в стиле. И хочется из Нади живое слово достать – и так, и сяк подхожу, только что на танцы не приглашаю. Как, мол, удаётся, таких показателей достигать? В конце концов, комсомолка Надя раскрывается:

«За несушками нужен очень внимательный уход».

«Ну?!»

«Вот, например, смотрите: корм лежит в кормушках неровно. Нужно его разровнять, чтобы всем досталось одинаковое количество».

«Так-так?!»

«И это необходимо делать как можно чаще...»

«Это? Чаще? Конечно!» – впрочем, про это уже про себя...

После знакомства с секретами земледелия, ското- и птицеводства тема борьбы с пьянством оказалась не слишком интересной: ну, заклеил-пристыдил в газете двоих-троих алкашей; ну, написал о вреде бухла, а поговорить?

«Поговорить – это очень даже интересно! – ухватился за мысль завотделом Вася. – Ты знаешь, такая актуальная фенька есть: журналист меняет профессию. То есть становится на время, например, официантом, или таксистом, или проводником поезда. И познаёт жизнь изнутри. Вот что предлагаю: давай сделаем, будто ты алкаш и попал в вытрезвитель, и действительно тебя туда, по договоренности с милицией, отправим. Напиваться при этом не обязательно: скажешь там, что несправедливо замели. Постояльцы заведения тебя, разумеется, поддержат. Ну, слово за слово, и за жизнь с ними потолкуешь. Золотой материал получится! Как, нормально?»

«Вроде да, попробуем».

Идею вытрезвительским ментам озвучивал лично главный редактор «Новых рубежей». Те удивлялись, упирались, а потом махнули рукой:

«Ладно, мы тебя в «санаторный покой» определим. Там алкаши уже обработанные, помытые, не буйные. Правда, злые очень с похмелья, кто не спит. Ну, если что, кричи или стучи – услышим и заберём».

В «покое» на койках, в простынях сидело-лежало четверо. Двое спали, один тупо смотрел в неизвестную точку, а четвёртый, увидев меня, сильно обрадовался, видно, скучал до этого.

«О, пацан, привет, а тебя за что?»

«Да ребята выпивали, а я рядом стоял, даже не пил, а тут менты. Ребята разбежались, а я и не побежал: чего бежать, раз не пьяный. А они меня сюда...»

Собеседник, молодой парень лет двадцати пяти затараторил:

«Вот, б...ь, они, б...ь, так всегда, б...ь: кого надо, б...ь, не видят, б...ь, а кого не надо, б...ь, забирают, б...ь».

Думаю, что тональность речи понятна, поэтому дальше обойдусь без связывающих вставок-междометий, хотя их было больше, чем остальной речи.

«А тебя за что?» – спрашиваю.

«Да ни за что! Выпили у приятеля, иду домой, по дороге присел на ступеньку покурить и уснул, а они тут как тут».

«И что теперь тебе будет?»

«На работу хотят написать и штраф слупить. А я говорю, не работаю».

«Значит, учишься?»

«Не, говорю, техникум только что закончил и трудоустраиваюсь. На самом-то деле я работаю, и даже судебным исполнителем. Да что я, дурак, про работу рассказывать, меня ж выгонят. Да... Документ начинают требовать. А я, не будь дурак, даю им комсомольский билет. Стали грозиться в райком написать. Пусть пишут – кто там будет разбираться!»

Разговор за жизнь особо не клеился. Повисла пауза. Человек, ранее смотревший в одну точку, поднял голову и произнёс: «Во-о-о-от!». Я заскучал. Где-то через час открылась дверь, и вошедший мент скомандовал:

«Эй, ты, комсомолец, передовой отряд, на выход».

И, подмигивая, мне:

«А ты очухался, всё понял?»

«Ага».

Мы вышли на улицу. Когда немного отошли от искомого места, «комсомолец» предложил:

«Слушай, парень, шланги горят, давай по чуть-чуть, мне деньги-то менты вернули».

«Да не, я это...»

«Ладно, кончай, подожди здесь», – комсомолец мигом обернулся до магазина и обратно и вернулся с пузырём портвейна. Мгновенно присосался к горлышку, и тут... откуда ни возьмись появились менты:

«Здравствуйте, молодые люди, сейчас в вытрезвитель поедем».

«Да вы что! – чуть не в ноги бросился «комсомолец». – Да я только вышел! Да у меня справка!».

И действительно вынул из кармана полученную в заведении полчаса назад бумажку.

«Пацаны, у вас десять минут, если после этого времени где-нибудь вас увидим – пеняйте на себя...»

В редакции Вася спросил:

«Ну, как, получилось заглянуть в душу алкоголика?»

«Нет, не получилось, чужая душа – потёмки...»

\* \* \*

Свою журналистскую школу проходил и Миша Бочаров. После «пролёта» в МГИМО и до армии начал сотрудничать с газетой ЗИЛа «Московский автозаводец». Первый очерк написал о кузнеце – тот в свободное от работы время вёл кружок авиадельтапланеристов. В творческом прорыве Миша выдавал находку: сравнивал точный удар кузнечного пресса с удачно посаженной моделью грузового самолета...

Бочаров увлекался сценой, написал много рецензий на спектакли театра-студии им. Сергея Штейна, где начинали свою карьеру народные артисты Татьяна Шмыга, Василий Лановой, Владимир Земляникин. Здесь на конкурсах чтецов побеждал и Мишин отец Пётр Бочаров.

Молодому журналисту запомнилась фраза ответственного секретаря «Автозаводца» Владимира Новичкова: «Слово не воробей, поймают – вылетишь». Не раз редакция и он сам страдали от перепутанных надписей под фото в номере газеты, особенно праздничном. В советское время это грозило выговором или увольнением.

### **А ты, любовь, учти, отличные значки...**

Да-да, которые теснятся на груди, блин.

В Советскую армию загремел по полной программе. Попал в часть оперативно-тактических ракет. На груди отличные значки пока не теснились, а свободно, без тесноты и давки, наличествовал только один – комсомольский.

Прослужив 1 (один) месяц в батарее, где я был 1 (один) молодой, а «дедов» состояло 10 (десять), получил вызов к командиру батареи капитану Чекушкину.

«Вот у вас, рядовой, в личном деле написано, что вы были секретарём комитета комсомола школы».

«Так точно».

«А что, если мы выберем вас секретарём комсомольской организации батареи?».

Я пока недопонимал всей абсурдности такого предложения и ответил:

«Ну, если комсомольцы доверят...»

Чуть позже случайно услышал разговор Чекушкина и старшины батареи прапорщика Сидоренко:

«Товарищ капитан, Мутилкина надо ставить комсомольским секретарём, тогда и порядок будет».

«Середняк» (это после года службы) Мутилкин представлял собой обколотого татуировками мордоворота из Крыма: то ли вор в прошлом, то ли бандит, случайно избежавший тюрьмы.

«Нет, – сказал Чекушкин, – будет Иванов».

Комсомольцы «доверили», и я стал присматриваться к армейскому комсомолу. Поначалу всё складывалось хорошо, даже чудесно. Ну, разве не чудо, когда меня, одного из ракетной бригады в 800 человек, посылают из Новоград-Волынского Житомирской области (там базировалась наша часть) во Львов, на окружную комсомольскую конференцию. В сопровождении офицера, который мне особенно не мешал.

Город Львов куда интересней, чем Новоград-Волынский. Несколько часов хожу по улицам, рассматриваю достопримечательности. Великолепный оперный театр, похожий на одесский, красивый цирк, католические костёлы вместо привычных церквей, Лычаковское кладбище – колоритный исторический памятник.

На конференции более пятисот делегатов, явка нормальная. «Сливки» армейского комсомола. В президиуме полковники, генералы, а рядом солдаты, сержанты, прапорщики для демократичности. Приехал и выступил даже командующий Прикарпатским военным округом генерал-полковник Георгий Обатуров (через несколько месяцев его сменил генерал армии и Герой Советского Союза

Валентин Варенников). Аудитория слушала всех выступающих с огромным вниманием и замиранием сердца. Лишь иногда, когда начинали «лечить» дисциплиной слишком настойчиво, с задних рядов раздавалось непредусмотренное сценарием: «Дембель давай!»

Должен был выступать и я, готовился, написал речь размером почти в тетрадку. Но прения досрочно прекратились, и меня на трибуну не позвали.

Переживаю: выходит, зря я текст писал? Куда его теперь девать? И тут сопровождающий «старлей» надоумил: есть у нас окружная газета «Слава Родины» – очень солидная, формата «Правды», на журналистском языке он значится как А-2. Вот и пошли своё творение туда.

Без особой надежды, но послал. Напечатали! Правда, с нюансами. Первый нюанс заключался в том, что сократили раз в десять. Второй – что мой не слишком оригинальный заголовок «Как тебе служится» заменили на куда более «креативный»: «На них равняемся!». Третий нюанс: речь в заметке шла о молодых коммунистах, которых не очень хорошо знал, да и сам молодым коммунистом не был. Четвертый... Я обнаружил одну фразу, принадлежавшую точно мне: «Все наши воины-комсомольцы включились в соревнование за отличное знание и содержание боевой техники и оружия, мастерское владение ими».

И письмо из редакции пришло! Со словами «Писать Вы умеете. Ждём от Вас полезных, содержательных материалов». И подписью целого редакционного подполковника. К письму прилагалась памятка военкору. В ней говорилось, что «военкор – это передовой воин. Он выразитель и проводник общественного мнения. Своим участием в газете он помогает командиру, партийной и комсомольской организациям бороться за высокое качество боевой и политической подготовки, за рост рядов отличников, за укрепление дисциплины, организованности и боевой готовности подразделения».

Что «правдивость – важнейший принцип коммунистической печати». И что «солдатская газета – это трибуна передового опыта. Важно поэтому, чтобы военкор глубже изучал опыт лучших людей своего расчёта и передавал этот опыт через газету...»

Как произошла такая удача? Я напряг мозги и смекнул, что у них, вероятно, существует план по публикациям военкоров из солдат-срочников. А откуда эти публикации возьмутся: в нашей бригаде, например, я, такой пишущий, всего один? Вот потому и поставили материал за моей подписью.

Так здорово! И начал я конвейерным методом производить для «Славы Родины» истории. О спортивных соревнованиях, на которых отличились комсомольцы рядовой Петров, ефрейтор Кузнецов, сержант Харитошкин под руководством, естественно, коммуниста капитана Чекушкина. О политзанятиях, где отличились комсомольцы... (прилагал, на всякий случай полный список отличившихся, чтобы у редакции имелся выбор); комсомольских собраниях, на которых выступили... (список выступивших). Газета такие материалы с удовольствием публиковала. Не совсем зажигательно? Зато, как рекомендовала «памятка военкору», правдивость, содержательность и полезность присутствуют! И гонорар платят почтовым переводом!

Касательно зажигательности содержания, случилось одно приятное исключение. Иду на пост, на вышку. Знаю, что будет скучно, на вышке даже не походишь, поэтому беру с собой листок бумаги и ручку, засовываю в сапог. Обыскивать не обыскивают, но смотрят пристально, чтобы посторонние предметы на пост не проносились. Но в сапог, конечно, не полезут. Пришёл, обосновался, огляделся, достаю писчебумажные принадлежности и думаю, о чём бы поведать.

Ага, а если про москвичей, что призывались вместе со мной? Кто как служит, чего достиг, как смотрит на армейскую жизнь. Пишу, посматривая периодически по сторонам: не крадёт ли где враг? Или, что хуже, проверяющий. Не, всё спокойно! За два часа получается очерк под названием «А мы из Москвы!», простой и откровенный, без списков отличившихся комсомольцев и перечисления побед. Напечатали! И перевод пришёл на шесть рублей 69 копеек.

Продолжу о гонорарах. Представьте себе: рядовому, коим я являлся, полагалось денежное довольствие в размере трёх рублей 80 копеек. Сержанту – в районе десятки. Сигареты без фильтра стоили порядка двадцати копеек, поход в солдатскую чайную обходился копеек в пятьдесят. А мне за одну публикацию пять, семь и даже, бывало, десять рублей «натикивало».

Замполит дивизиона, как-то беседуя с молодыми бойцами о доблестях, о подвигах, о славе посоветовал: «Ты матери деньгами помогай». Я усмехнулся про себя: мать работала учительницей в школе, у отца – полковника в центральном аппарате Минобороны зарплата приличная, так что никакой нужды не наблюдалось, гонорарные деньги без проблем можно тратить. А мне и шикануть особенно

негде. «Пропивал» гонорар так: шёл в чайную, выливал в стакан банку сгущённого молока, брал штук пять пирожков с повидлом, таким образом компенсируя нехватку сахара, жиров и углеводов.

«Родина» мне понравилась. Слава ей!

На этом рассказ о комсомольских радостях будем считать исчерпанным. Почему? Да потому, что комсомола в армии не было и нет. И партии не было и нет, даже Коммунистической.

А что есть? Есть формальная, световая иерархия: начальники – подчинённые, а есть неформальная, теневая: деды – салабоны. Комсомол и партия являлись в армии некими бутафорскими образованиями.

Так, комсомольские собрания проводились исключительно по команде, в повестке дня, как правило, борьба с нарушителями дисциплины – пьянки, самоволки; либо уклонение от политподготовки и, как следствие, политическая неграмотность. Командир сразу предлагал решение: тому-то на вид поставить, а вот этому выговор объявить.

В батарее служили и некомсомольцы, или несоюзная молодежь, по терминологии комсомольских органов. Они спрашивали:

«Нам надо на собрание идти?».

«А как же, – отвечали командиры, – у нас открытое комсомольское собрание, на которое явка добровольна, но обязательна».

Получалось: что комсомольское собрание, что общее собрание личного состава батареи – всё фиолетово. Просто на обычном собрании говорили «рядовой такой-то», «сержант этакий», а на комсомольском – «комсомолец рядовой Володин», «комсомолец сержант Дунаев» – вот и вся разница.

На одном из собраний по инициативе капитана Чекушкина предполагалось объявить выговор комсомольцу рядовому Яниву за какой-то так себе проступок.

Деды, собираясь в ленинской комнате, подходили ко мне и стращали:

«Попробуй-ка, салабон, объяви выговор, мы тебе такое объявим!».

Потом появились офицеры, отчасти коммунисты, отчасти комсомольцы. Я предложил-таки объявить выговор, а деды под строгими взорами начальников за это единогласно голосовали...

На следующий день, возвращаясь со строевой подготовки, захожу в казарму, а прямо у входа стоит «дед»-сержант:

«Иванов, почему у тебя сапоги пыльные?»

«Так я только что со строевой, как раз иду в бытовку, чтобы почистить».

«А меня не е..т! Один наряд на работу».

Ночью пашу со шваброй, а мимо проходит заступивший на дежурство капитан Чекушкин:

«Иванов, Вы – комсомольский секретарь, а сами нарушаете дисциплину, так не годится».

«Каким образом нарушаю?» – и начинаю объясняться.

«Значит, надо быстрее добегать до казармы», – резюмирует капитан.

А я думаю про себя:

«Ну ё-моё, ты, капитан, или в самом деле дурак, или конкретно дураком прикидываешься!»...

Прошло полтора года. Я теперь сам «дед», сержант и заместитель командира отдельного взвода – замкомвзвод по-армейски. И по-прежнему комсомольский секретарь. На «губе» посидеть успел, а вместе с тем на Доске Почёта части повисеть – в общем, со всех сторон в авторитете. Значков на груди уже нормально, и комсомольскому среди них теперь и вправду тесно.

Через три месяца дембель, и все мысли у меня и у других «стариков» только о нём. Готовимся. Кто пряжку драит, чтобы блестела; кто аксельбанты, которых у солдат отродясь не бывало, конструирует, кто пластмассовые вставки под погоны дембельского мундира (и под тот же комсомольский значок!) прилаживает.

В этой эйфорической атмосфере подходит ко мне молодой боец и жалуется, что «дед» Копанов вытряхнул у него вещмешок и забрал себе новую электробритву. А у другого бойца «скомуниздил» из тумбочки красивый бритвенный набор в кожаном футляре. Я подошёл к Копанову:

«Ты зачем украл у молодых вещи?»

«Чего? Мне на дембель надо, а им ещё служить и служить. А тебя вообще колышет? Иди и занимайся своими делами, а то нашёлся тут!»

«Не отдашь по-хорошему?»

«Не отдам. А ты что, командирам пойдёшь своих друзей-«дедов» закладывать?»

«К командирам не пойду, а собрание комсомольское организую и исключим тебя к е...м из комсомола за воровство».

«Да мне пох!»

Назначаю собрание, информирую об этом командира взвода – иное просто невозможно, не подпольно же его проводить. Старлей комвзвод тащит на собрание комсомольского секретаря части, капитана.

Объявляю повестку дня: «О воровстве рядового Копанова». Офицеры поправляют:

«Давайте так: о поведении рядового Копанова».

Все «за».

Начинаем разбираться. Я прямо спрашиваю:

«Ты зачем украл?»

А тот отвечает:

«Не украл, а взял».

И так кругов пять на разные лады: не украл, а взял.

Молодые, потупясь, поясняют, что Копанов *взял* у них бритву и прибор.

В конце концов, вношу предложение исключить Копанова из комсомола за воровство. Надеюсь, что молодые и «средняки» – это те, кто прослужил от года до полутора (всех вместе больше, чем «стариков») предложение поддержат. Но тут вновь вступают офицеры:

«Зачем парню жизнь портить? Он одумается, исправится. Уж больно строг ты к товарищам, комсомолец сержант Иванов. Предлагаем ограничиться строгим выговором».

Я стою на своём и ставлю вопрос на голосование. *Все* смотрят на офицеров и на «дедов». Увидев их поднятые руки, голосуют за строгий выговор. Остаюсь в одиночестве.

\* \* \*

Но всё-таки я служил, как потом выяснилось, в нормальной воинской части, к тому же и за рубежами Родины. А вот в других-то частях...

Миша Бочаров служил в военно-строительных войсках в городе Серпухове Московской области. Хотя часть и нестроевая, но строевой подготовкой замучили. Сложились стихи:

«В руках дымящийся АК,  
Дым от сапог под облака.  
А под подошвами земля дрожит,  
А под подошвами – колосья ржи,  
А под подошвами – цветы в пыли,  
И солнце знойное палит.  
А если надо умереть,  
То с песней он пойдет на смерть,  
И чтобы не было войны,  
Солдаты громче петь должны...»

Первые полгода пришлось Мише поработать на земснаряде, в карьере, где добывали песок. Поздней осенью и зимой отбивали от земснаряда лёд ломками в техническом пруду. При этом важно не упустить тяжеленный лом на глубину.

Песок грузили на вагонетки, и когда они ехали по путям, песчинки просыпались и смешивались со снегом и льдом. Смесь налипала на рельсы, и её отколупывали от рельсов. Не одну пару трехпалых рукавиц уничтожили ломками на этой тяжёлой работе.

А в обеденный перерыв Миша, будучи неплохим художником, занимался... оформлением дембельских альбомов старослужащих.

Дедовщина процветала во всей тогдашней армии махровым цветом, а про стройбат и говорить нечего. Десяток москвичей распределили по двум ротам, где служили кокандские «дашнаки», крымские татары, чуваша, мордва, таджики, казахи, русские сибиряки. Большинство, само собой, формально были комсомольцами. А неформально господствовали неуставные отношения.

Что это такое? Ну, например:

- подъем старослужащими молодых после отбоя для мытья туалета, коптёрки и даже плаца для разводов зубными щетками;
- команда «борзым» молодым выть на лампочку;
- перекладывание на молодых своей работы (например, на строительном объекте надо носить на этажи раствор в носилках; молодые носят его, а старослужащие ускоряют процесс пинками;
- «конфискация» старослужащими у молодых «бацилл» (мяса) и рыбы в столовой, а также посылок из дома...

Дедовщина выгодна офицерам: когда они уходили домой, нужен порядок в части ночью, отсюда старослужащие становились «ночными командирами роты».

Дедовщине сопутствовали, мягко говоря, нетоварищеские межнациональные отношения. Именно здесь Миша впервые услышал словечко «чурка» по отношению к выходцам из среднеазиатских республик...

Так что про комсомол? Бочаров, став через полгода с начала службы секретарем комсомольской организации роты, пытался строить реальный комсомол, а именно – что-то делать с дедовщиной.

Как? Через преодоление, извините за выражение, стереотипов. Чтобы человек понял и признал: «Да, меня мучили, но, когда стану старослужащим, я этого делать не буду».

Этому стереотипу противостоял другой:

«Меня сегодня избили, но я не скажу, кто. А когда стану дедом, отомщу и избыю какого-нибудь русского» (это если мучителем был русский или, напротив, нацмена, если раньше мучил таковой).

Приходилось иметь дело и с наркотиками: с санкции командиров вскрывать письма и посылки служащих из среднеазиатских республик, в которых прятались наркотики...

Вот такой он, армейский комсомол. Тут вам не там!